

Особенности современной методологической ситуации в литературоведении

Тоталитарные системы не заинтересованы в расширении познавательного диапазона общества, что могло бы повлечь за собой динамизацию научной мысли и, как следствие, расшатывание устоев. Ученый в таких режимах вынужден согласовывать свои «шаги» с инструкциями, а не с исканиями, заблуждениями и открытиями в соответствующей научной сфере. Исследование различных подходов к проблеме представлялось в советской действительности излишним, поскольку единственным подлинно научным методом для всех наук официально был признан марксистско-ленинский и попытки использования иных способов познания расценивались в лучшем случае как эклектизм, нечеткость методологических ориентиров и т.п.

Либерализация общества влечет за собой другие крайности: отказ от какой бы то ни было методологии, якобы сковывающей свободную мысль исследователя, или появление множества научных школ-однодневок с эфемерными отличиями друг от друга. Осмысливая эту ситуацию, можно довольствоваться мыслью признанного главы «новой критики» Т. Элиота: «Единственный метод (в критике) – быть как можно умнее», - и на этом остановиться. Однако рецепты, каким образом «быть как можно умнее», предлагал и сам Элиот, и его предшественники, противники и последователи, претендующие на роль создателей новых школ в литературоведческой науке. Большинство из них, при всем несходстве их воззрений, сходятся в одном: нельзя абсолютизировать тот или иной метод, выдавая его за единственный истинный путь познания. Квалификация исследователя определяется постижением им всего арсенала выработанных человечеством средств познания мира, применяемых в той или иной конкретной науке. Проф. Лесли Фишер писал об этом так: «Лучшее, что может сделать критика, это

поместить произведение по возможности в большее число объясняющих контекстов» (1, с. 112).

Психологические основы изложенной выше рекомендации заключаются в следующем. Присущая человеку избирательность восприятия информации сужает его зрение, побуждая в объемном мире художественного текста выделить одну-две стороны. Фактически этим объясняется количественное богатство и качественное разнообразие методов, в каждом из которых проявляется эта избирательность в виде указания, на что следует обратить внимание в произведении. Так, мифологическая школа учит различать в произведении некие древнейшие основы, архетипы. Культурно-исторический метод представляет литературу частью культуры соответствующего периода времени и, с другой стороны, видит в искусстве прежде всего источник информации по той или иной историко-культурной ситуации. Психологический метод в художественном произведении ищет отражение психологии творца и в изучении психических процессов видит важнейшее средство понимания текста, а психоаналитический метод объясняет текст результатом сублимации сексуальной энергии автора. Ученый, готовый поставить произведение в контексты столь различных методов, тем самым приближается к той объемности, стереоскопичности видения, которая заложена как данность в плоды художественного сознания и которая столь нелегко постигается сознанием научным.

Не противоречит сказанному и рекомендация избирательного отношения к методам. Диапазон методологических знаний исследователя позволяет ему из всего арсенала средств выбрать те, которые в наибольшей степени подходят к изучению данного конкретного произведения, поскольку доминанты метода и художественного текста оказываются соответствующими друг другу. Как писал В. Ходасевич, «нельзя быть фетишистом метода. Во всяком изучении наиболее научен тот прием, который наиболее вскрывает истину» (2, с.297). Так исследование текстов А.

Ремизова посредством сравнительно-исторического метода приносит наибольшие результаты, так как писатель сам указывал, что материалом для его произведений, основным источником творчества были книги, а сходство двух или более эстетических феноменов невозможно осмыслить вне опоры на рекомендации компаративистов. Для изучения же художественного мира Пушкина, несмотря на огромную роль книжности в его творчестве, сравнительно-исторический метод не может быть ни единственным ни определяющим – таким всеобъемлющим оказался протеизм гения.

Отдельные методы, выявляющие в текстах сходные моменты, предлагают тем не менее их различную интерпретацию. Как правило, такие методы несут скрытую или явную полемическую направленность друг к другу, ведь наиболее критически воспринимается не чуждое (отчужденность как раз дает необходимую дистанцию объективации), а близкое, которое грозит возможным отождествлением и потому вынуждает к дистанцированию. Поэтому структуралисты так сложно относятся к наследию формалистов, к которым, казалось бы, должны были испытывать сыновнюю почтительность.

Исследователя-практика заботит не соблюдение «чистоты» учения, а использование возможностей, представляемых как отдельным методом, так и их совокупностью. Выбор здесь может быть ограничен не ложным страхом перед эклектичностью методологии, но исключительно спецификой исследуемого материала, задачей исследования, а также личностными возможностями, свойствами и пристрастиями ученого. Нет смысла, например, привлекать для изучения формы произведения культурно-исторический метод, представители которого совершенно не интересовались спецификой искусства и его языком. В этом случае, помимо формальных и структуралистских методик, могли бы оказаться полезными, например, исследования Слокхвера о мифологической структуре текста и Н. Фрая о жанровой характеристике произведения (неомифологизм), или исследования

А. Потебни о специфике слова и образа (психологический метод), или исследования Ш. Морона об устойчивых и навязчивых ассоциациях, не говоря уж о герменевтических работах. Без сомнения, даже простое перечисление в одном ряду столь разнородных подходов вызовет внутреннее сопротивление как у сторонников одного полюса научной мысли, так и у приверженцев другого. А что, если не спешить с развенчанием оппонента, а попытаться для начала увидеть рациональное зерно в его позиции? Если в старые времена мы старались уловить слабинку в непривычных и неприемлемых для нас воззрениях, чтобы опровергнуть, развенчать и т.п., то в современной методологической ситуации была бы чрезвычайно полезной установка на выделение сильных сторон в учении «вражеского» лагеря. Методологический плюрализм, предполагающий приятие и усвоение плодотворных идей, откуда бы они ни исходили, значительно больше соответствует духу времени, чем бескомпромиссное отрицание чьей-либо мысли на тех лишь основаниях, что она не наша и нам такие не нужны.

Резюмируя сказанное, подчеркнем главное. Научный метод содержит в себе

- а) указание, на что нужно обратить внимание в произведении,
- б) указание, каким образом следует интерпретировать выделенные моменты.

Систематизация научных школ, направлений и тенденций в современной филологии, могла бы оказаться важным шагом в создании методологии комплексного анализа, что является насущной задачей времени. Предпринятые в 70-е годы и далее пробы такого рода систематизации (3) при всей их информационной значимости серьезного результата в плане методологическом не дали и не могли дать в условиях методологической цензуры, требующей унификации методов под знаком диалектико-материалистического мировоззрения. Не менее весомой в данном случае оказалась и внутренняя цензура – привычка сведения многообразия способов

исследования к единому знаменателю. Даже Ю. Борев, создавший своего рода «менделеевскую таблицу» типов методологических подходов к произведению, высказывает опасение, что «многоподходность критического анализа грозит критике эклектизмом методологии, разорванностью критического сознания, несопрягаемостью результатов, полученных от применения разных исследовательских инструментов» (4, с.5). Между тем единство критического сознания в анализе данного конкретного текста может быть и должно быть обеспечено не тем или иным доминирующим методом, подчиняющим себе другие и тем самым создающим иллюзию цельности исследовательских результатов, но – и это главное – целостностью самого текста. Текст и только текст может и должен диктовать исследователю направление движения объединяющей мысли. Ученый должен иметь мужество отказаться от писательских притязаний на создание некоего нового текста по мотивам пушкинского или чеховского, то есть отказаться от активной роли, и чутко следовать в русле мысли Пушкина или Чехова, которая единственно может обеспечить «сопрягаемость результатов, полученных от применения разных исследовательских инструментов», не повредив при этом собственную целостность чем-то принесенным извне.

Литература

1. Цит. по книге: Козлов, А.С. Мифологическое направление в литературоведении США А.С. Козлов. – М.: Высш. шк., 1984.
2. Русская литература XX века. Исследования американских ученых. – СПб., 1993.
3. См., например: Современные зарубежные литературоведческие концепции. - М., 1983; Зарубежное литературоведение 70-х годов. Направления, тенденции, проблемы. -М., 1984; Тенденции в литературоведении стран Западной Европы и Америки. -М, 1981; Теории, школы, концепции. Художественный образ и структура. - М., 1975; Теории, школы, концепции. Художественное

произведение и личность. - М., 1975; Теории, школы, концепции. Художественный процесс и идеологическая борьба. - М., 1975; Теории, школы, концепции. Художественный текст и контекст реальности. – М., 1975; Теории, школы, концепции. Художественная рецепция и герменевтика. - М., 1985; Хованская, З.И. Анализ литературного произведения в современной французской филологии / З.И. Хованская. - М., 1980.

4. Методология анализа литературного произведения. – М.: Наука, 1988.

Статья написана в 1998 году

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ